

Михаил Сорин

Место клизмы изменить нельзя

Рассказы морского доктора

Михаил Сорин

**Место клизмы изменить нельзя.
Рассказы морского доктора**

«Издательские решения»

Сорин М.

Место клизмы изменить нельзя. Рассказы морского доктора /
М. Сорин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501027-8

В данной книге — рассказы морского доктора о событиях в его жизни, которые происходили с ним в дальних походах и на берегу. В них и флотский юмор, и реальная действительность работы морского врача.

ISBN 978-5-00-501027-8

© Сорин М.
© Издательские решения

Содержание

Дорогой читатель!	6
Об авторе	7
Практика	9
Практика-2	12
Астма	14
Урок лексики	17
Качка	20
Борода	23
Рыбалка	26
Улыбка каннибала	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Место клизмы изменить нельзя

Рассказы морского доктора

Михаил Сорин

Редактор Владимир Алексеевич Мурзин

Оформление обложки Владимир Алексеевич Мурзин

© Михаил Сорин, 2019

ISBN 978-5-0050-1027-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель!

Сегодня Вы держите в руках очередную книгу популярного балтийского автора, организатора и руководителя Литературного объединения «Остров Вдохновения», поэта, барда Михаила Сорина. Его первая книга с запоминающимся названием «Тот не моряк...» вызвала живой интерес читателей.

Врач по профессии, военный моряк, талантливый режиссёр Михаил Сорин обладает тонким чувством юмора и светлой, юной душой. В его рассказах живёт неунывающий герой, прошедший шторма и локальные войны, испытавший боль утрат и радость победы. То он попадает в людоедское племя, то – в самое пекло военного конфликта в Анголе. Но из всех испытаний выходит он победителем. Что поддерживает его, спросите Вы? Ответ на этот вопрос даёт книга, которую Вы держите в руках. И можно только позавидовать автору, ведь большая часть его рассказов автобиографичная.

**Светлана Шулешова,
Секретарь литературного объединения «Остров вдохновения» города Балтийска.**

Об авторе

Заслуженный врач Российской Федерации

Михаил Борисович Сорин родился в 1947 году в семье военнослужащего, участника Великой Отечественной войны, подполковника, штурмана морской авиации ВМФ СССР.

После окончания 10 класса поступил в медицинский институт города Владивостока, а параллельно заочно учился в Театральном университете искусств имени Крупской в Москве, отделение художественного чтения. В институте руководил студенческим театром миниатюр. В 1967 году перевелся в Витебский Государственный Медицинский институт. Пишет стихи, сценарии для театра. После окончания интернатуры по хирургии работал в Быховской районной больнице врачом-хирургом. В 1972 году призван в ВМФ – начальником лазарета авиационно-технической базы в Быхове-1. ведущий хирург гарнизона. В 1980 году переведён в г. Палдиски военно-морской госпиталь – старшим ординатором хирургического отделения, а в последующем начальником Корабельной группы специализированной медицинской помощи БФ.

За период службы на БФ провел обеспечение 28 боевых служб: Мозамбик, Ангола, Куба, Нью-Йорк, Средиземное море, Индийский океан, Карибское море, Иран, ЮАР,

Медицинское обеспечение всех ОБЭСК проходивших на Балтийском и Северных морях начиная с 1984 года и до развала СССР. Затем БАЛТОПС, совместные учения с Флотами НАТО. В 1991 году медицинское обеспечение перехода подводной лодки в Иран. В 1997 году по приглашению президента ЮАР участие в параде Флотов Мирового океана в честь 75 летия флота ЮАР. Большой опыт оказания неотложной медицинской помощи в сложных штормовых условиях дальних походов. В Африканских странах по борьбе с тропическими заболеваниями, работа в условиях ведения боевых действий. Общее количество времени, проведенное в походах – 9 лет.

После увольнения в запас в 1997 году, четыре года, работал судовым врачом танкера Елья. Работа в районах Крайнего Севера. В 2002 году, навсегда оставив моря, назначен заведующим хирургического отделения 97 поликлиники Военно-морской базы г. Балтийска, где трудится по настоящее время. Хирург высшей категории. Указом президента от 20 ноября 2008 года присвоено звание «Заслуженный врач РФ». 9 ноября 1985 года награжден медалью «Воин Интернационалист Народной Республики Куба», член Союза ветеранов Анголы.

Более 15 лет возглавляет литературное объединение «Остров вдохновения» города Балтийска. Автор семи сборников стихов и прозы. Заслуживает внимание книга «Канцер – не при-

говор» в которой автор рассказывает о том, как сумел преодолеть тяжёлую смертельную болезнь. Несмотря на серьёзность и даже трагизм темы, книга пронизана мягким юмором и трепетной любовью к своим близким, пронизана той самой верой, надеждой и любовью, которые помогли ему выйти победителем из почти безнадежной, по мнению врачей, ситуации.

Практика

Все мои невероятные приключения происходили со мной только по одной простой причине – я всегда хотел быть первым и добивался этого, чего бы мне этого не стоило. Я учился в Медицинском институте и уже на первом курсе, как только у нас началась санитарная практика, вместо того чтобы выносить судно, протирать полы и выполнять всякую другую не нужную, на мой взгляд, работу, стал учиться делать инъекции больным, в чем довольно быстро преуспел и сильно гордился этим своим достижением. Вообще к концу первого курса чувствовал себя почти врачом. Направо и налево раздавал медицинские советы, пытался всех лечить и страшно возмущался, если кто-то пренебрегал моей помощью. Осенью, как было принято в то время, нас отправили на картошку. Стояла восхитительная погода. Листва деревьев отливала золотым багрянцем. Лучи солнца купались в кронах деревьев и искрами скатывались вниз, прячась в еще сочной траве-мураве. Птицы создавали семейные многоголосья и пронизывали окружающую природу невероятными трелями. Нас привезли на автобусе и выгрузили возле правления колхоза.

Первый час прошел в томительном ожидании, но про нас, словно, забыли. Студенты народ, не унывающий, и уже скоро мы начали петь, играть в карты, поглощать взятые на первое время продукты. Всех охватило какое-то безрассудное веселье. Стоял такой хохот, что даже местные дворняги, возмущенно лающие на наше появление, смолкли. Как вдруг, словно из воздуха, перед нами появились две импозантные фигуры. По всей вероятности, это были две женщины, а может мужчина и женщина, разобрать было трудно, так как одеты они были одинаково, лица обветрены, растительности на лице никакой, голоса похоже охрипшие.

– Мы, стесняемся спросить, – обратились они к нашей компании хором, – кто тут из вас докторками будет?

Они так и спросили: – «докторками», – но у нас это, как ни странно, никакого удивления не вызвало.

– А все мы тут доктора, – нахально ответил мой голос -обращайтесь к любому.

– Тогда скажите нам, кто из вас по зубным делам мастером будет?

– Если по зубным, то это к Петьке Брюханову, он у нас разрядник по боксу, с зубами разбирается с одного удара.

– Зря ерничаете, – заметил или заметила одна из подошедших – у нас действительно проблема, нашего зубника на той недели проучить хотели. Так пострадавший удар не рассчитал или кол очень крепкий попался.

– Так кто пострадавший?

– Васька, конечно. Зубник крепко выпимши был и Ваське вместо заднего зуба передние два выдернул, а он свататься собирался. Ясное дело, что за щербатого ни одна девка не пойдет. Мы хоть и деревенские, а форс соблюдаем и марку держим. Так вот, зубника отпели, поминки, как положено, справили, а что дальше делать не знаем. Вдруг новость, говорят, докторков нам на уборку картошки прислали. Мы-то теперь после всех потрясений долго отходить будем, а урожай не ждет. Его убирать надо. Вот вас к нам на помощь и командировывают, – говорящая тяжело вздохнула.

– Да, ситуация, – посочувствовал кто-то из наших, – чем и помочь не знаем, вот если только Мишка, он у нас по лечебному делу большой мастер, ему что уколы, что зубы, раз плюнуть.

Я во время этого последнего диалога был занят светской беседой с первой красавицей нашего курса Галочкой Гордиевской и совершенно упустил нить последнего разговора, как оказалось зря. Очухался я только тогда, когда меня внезапно подхватили под руки и куда-то потащили.

– Эй, как вас звать? – заорал я истошным голосом, – куда вы меня тянете, хотелось бы мне знать, разьедри в двери ваше коромысло, – вставил я новое, только что услышанное, выражение.

– Не дуйся и не горлопань, – послышалось в ответ, – тебя нам отрекомендовали, так что будь любезен, приступи, а уж мы тебя отблагодарим, будьте спокойны.

– Ну-ну, одного уже отблагодарили, колом по голове.

– Это уж кто что заслуживает, тем более что предшественник твой, царство ему небесное, от самогона и не просыхал, где уж ему руками, трясущимися зубы рвать, тут бы стакан до рта поганого донести не пролить и то слава Богу.

Пока мы вот так мирно беседовали, меня куда-то продолжали тащить. Внезапно мои похитители остановились.

– Все, пришли, кажись, заходи и осваивайся, а мы народ пойдем обрадуем.

Меня втолкнули в дверь какой-то избышки. За спиной скрипуче лязгнула дверь и все стихло. Я огляделся. Изба, как изба, стены бревенчатые, полы деревянные. Все, как в старинных русских сказках. Даже на душе как-то спокойней стало. У окна стоит маленькая бормашина, рядом столик, а на нем инструменты разные, названия которых и их назначение, кроме щипцов, конечно, кто ж их не угадает, я со своим первокурсным образованием точно не знал.

Все, это конец, промелькнуло у меня в голове, и в это время раздался стук в дверь.

– Кто там? – громко прошептал я, – никого нет, все ушли на уборку картошки, а врача схоронили.

Дверь опять со скрипом отворилась и в кабинет вкатилась маленькая старушенция. Она была, словно игрушечная и какая-то не настоящая, пока не заговорила:

– Ты что ли новый докторка будешь?

– Да, как вам сказать? Если честно, то нет. Нас сюда на колхозную практику прислали.

– Вот и практикуйся, коль в докторки записался. Бабы сказали, что ты зубных дел мастер, так что давай, родимец лечи меня, а то вторую ноченьку не сплю, достал меня зуб окаянный. Да про своего предшественника не забудь.

Вообще-то я зубных врачей не то, чтобы очень боюсь, я их просто опасаюсь. Помню в детстве, меня так напугал вид этих явно средневековых инструментов, что я удрал прямо из кабинета стоматолога, когда надо было залечить маленькую дырочку в зубе, а потом этот зуб сгнил, и его пришлось удалять. Анестезия была сделана не очень качественно, поэтому больно было по-настоящему, в результате мое подозрительное отношение к этой древней профессии осталось.

Надо же было так вляпаться и все мое бахвальство виновато. Все, больше никогда – закрутились в голове благие намерения. Но не зря говорят, что ими выслана дорога в ад. А бабулька в это время уже забиралась в кресло.

– Ну что, родимец, иди сюда, – раздался ее скрипучий, как дверь голос.

Я оглянулся. На меня из открытого рта негданной пациентки глядел всего один зуб, но какой... Он был, как старое трухлявое дерево в непогоду.

– Господи, помоги, – прошептал я про себя, – ну с одним зубом я как-нибудь справлюсь.

– Ты что там шепчешь? – заинтересовалась опять бабка.

– Молитвы медицинские перед работой читаю.

– И то правильно, – одобрила нежданная пациентка, – хоть один благочестивый попался, а то все нехристи, да пьяницы горькие попадаются.

Подойдя к инструментальному столику, я еще раз огляделся, чего здесь только не было и почти все незнакомое.

Так, вот это точно щипцы, но какие из них мне понадобятся, а не все ли равно? Беру любые и к делу – мысли еще не успели остановиться, как я схватил самые большие – ими точно не промахнусь.

И не промахнулся! Когда я открыл глаза, бабки в кабинете не было. В тазике лежало что-то красное.

Надо бежать – была первая мысль – но куда? Если пациентки нет, значит, жива, а если жива, то за односельчанами помчалась, а те возьмут колья и сюда. Что делать?

И в это время дверь опять начала медленно отворяться. Я юркнул за шкаф и затаился. «Живым не дамся» – мелькнуло в голове что-то из последнего киносериала.

В образовавшийся дверной проем показалось сначала одно здоровенное плечо, затем другое, а вместе с ним громадная лохматая голова, потом и все остальное. Кола не заметил, зато под мышкой прятался большой пакет. Наверное, утюг – первое, что мне пришло на ум.

– А здесь никого нет – промямлил я прилипшим от страха к небу языком.

– А вы кто? – пророкотал басом мой вероятный киллер.

– Я? – совершенно искренне осведомилось мое трепещущее от ужаса существо, – мы тут на картошке, так вот решил зайти в порядке ознакомления.

– Да знаем, знаем. Уже наслышаны. Я вот тут с благодарностью....

Зубы заговаривает, гад.

– Нет, это все не правда, я тут ни причём.

– Еще как причём, – мужик раскинул руки и пошел на меня.

– Не дамся, нас медиков голыми руками не возьмешь! – Задушено сипел мой голос.

– Да уймись ты, скромняга. Ведь ты ж меня спас, ты моей теще – язык выдернул!

Как потом, оказалось, выдернул я все-таки зуб, но бедная старушка месяц не разговаривала от пережитого волнения и зять не зря мне «проставился». А в пакете у него бутылка с самогоном была. Все-таки месяц потом теща молчала.

Вот хвалиться с того случая я стал меньше.

Практика-2

В моей жизни самой прекрасной порой было студенчество, особенно его ранняя стадия, когда себя чувствуешь щенком, вырвавшимся на свободу, когда родительская опека осталась далеко и никто тебе не какает на мозги, что одеть, во сколько время придти с гулянки, домой. Какие у тебя текущие оценки за учебу. Короче говоря, свобода!

Хотя, если признаться, было много и отрицательного в этой, так сказать, свободе. Я, например, все время, ходил голодным. Деньги, которые мне регулярно высылали из дома, благополучно прогуливал в течении первой недели, а потом все время хотел кушать и бывали моменты, когда весь мой обед и ужин состояли из одного пирожка и стакана воды из автомата, без сиропа. Были такие раньше, когда всего за одну копейку можно было выпить стакан «газированной». Вот об этой поре своей жизни я и хочу рассказать.

В свои первые каникулы, после сдачи экзаменов за первый семестр я решил сходить на операцию, то есть в операционную и посмотреть «что почем». В смысле смогу ли я стать хирургом, а эта специальность мне нравилась больше всех. Во всяком случае, так, казалось, в то безоблачное время. Первые три дня я никуда не ходил, отъедался, блевал от пережора и опять ел. И еще сидел возле холодильника. Там у мамы всегда было что—то вкусненькое, и я ждал, когда предыдущая еда усвоится и можно все начать сначала. Наконец организм мой насытился, и можно было выполнять задуманное. Жили мы в маленьком авиационном городке на севере Дальнего Востока. Папа мой занимал определенную должность, и решить вопрос о моем посещении лазарета, с присутствием на операции, было пара пустяков.

Меня встретили с пониманием, обрядили в хирургические одежды и завели в святую святых – операционную. Больной уже лежал на столе. Пока хирурги священно действовали с простынями, отгораживая операционное поле, затем проводили местную анестезию, я мысленно пропитывался окружающей обстановкой и уже почти себя чувствовал таким же, как они могущественным и значительным.

Да, хирургия – это мое, думалось в этот миг. А на столе уже сделали первый разрез, и тут у меня внезапно все потемнело в глазах, и я потерял сознание. Очнулся от острого запаха нашатырного спирта. Надо мной склонились люди в белых халатах.

– Ну что? Очнулся? – Спросил хирург – ничего, это часто бывает по неопытности.

– А, что же теперь со мной будет? – Прошептал я, – мечта всей моей жизни рухнула?

– Ничего страшного, ты еще ты еще будешь хирургом, главное не отступай.

И я не отступил. После каникул, вернувшись во Владивосток, а учился я именно там, первым делом узнал у старшекурсников, где они проходят хирургическую практику. Выяснил, что самое лучшее место – травмпункт. Там и работы больше, и хирурги добрее, в том смысле, что не жадничают и позволяют работать самостоятельно и вообще для начала лучшего места не сыскать. Сказано, сделано. Через неделю я уже стоял в операционной, правда, с нашатырным спиртом, пока, но уже через две недели мне доверили наложить первый шов на рану, а потом я стал сутками там пропадать, не забывая при этом встречаться с любимой девушкой, тратить при этом последние деньги на кино и кафе – мороженное. Средств надолго не хватало. А надо сказать, что в травмпункте существовал неписанный закон. Бригада на дежурстве питалась коммуной, т.е. кое-что приносили из дома, а так в основном скидывались и закупали продукты в магазине. В те далекие шестидесятые годы продукты питания стоили дешево. На пятьдесят копеек в столовой можно было взять полноценный обед из трех блюд. А мы сбрасывались по рублю, так что можете себе представить какой у нас был ужин. Отправляли, как правило, самого молодого. В медицине, как и на Флоте, годковщину никто не отменял. Поэтому ездить приходилось мне. Забыл сказать, что поскольку магазин был далеко, то для этой цели выделяли машину скорой помощи. Я уже говорил, что деньги, которые мне высылались родите-

лями, преимущественно почти все прогуливались, но выглядеть на хлебником мне не хотелось. И, чтобы собрать необходимую сумму размером в один рубль, мне приходилось поститься два, а порой и три дня. Так было и в этот раз. Я не ел – четыре. Пирожки не в счет. Поехать решили в гастроном. Там и выбор больше, и очереди поменьше. Оставив машину за углом магазина, я смело вошел в приветливо распахнувшиеся двери и сразу почувствовал ни с чем несравнимый колбасный запах. В те далекие годы колбаса еще пахла колбасой, а не туалетной бумагой и не надо было принюхиваться, чтобы уловить есть ли в ней мясо. А запах раздирал мои ноздри, расплзался по всему голодному организму, проникал в желудок, заставляя его исходить соком, и ударял в голову. Меня слегка качнуло, но удержавшись на ногах, я двинулся со списком к кассе. Выбив чеки, купил с начала хлеб, сахар, молоко и лишь потом осторожно подошел к колбасному отделу. Там стояла очередь. Спросив последнего, я встал за атлетического телосложения, женщиной. Она что-то жевала и не переставая, без умолку трещала, не обращая ни к кому. Есть такая порода людей, которые любят говорить со всеми сразу одновременно и обо всем. Моя задача была – выстоять, хотя голова от голода кружилась все больше и больше. И вот наступил ответственный момент, я подошел к прилавку и протянул приготовленные чеки:

– Мне, пожалуйста, три палки «докторской», – но тут терпенье моего организма от одуряющего колбасного запаха истощилось и я грохнулся в обморок точно так же, как когда-то в первый раз в операционной. Сознание возвращалось медленно, все покачивалось и казалось, что меня куда-то несут. Послышались голоса:

– Хорошо бы доктора, а то помрет ненароком, вон какой тощий, надо бы «скорую» вызвать.

Господи, это они о ком? Неужели обо мне? промелькнуло в оживающем сознании. Я открыл глаза. Меня действительно куда-то несли.

– На улицу, на свежий воздух – произнес, где-то ранее слышанный голос.

– Послушайте, я за углом видела машину скорой помощи. – Это уже был голос другой женщины, подумалось мне, вот уже и голоса начал различать, значит, пора становиться на ноги.

В это время в беседу вмешался кто-то третий, по голосу явно мужчина:

– Эй, куда это вы его волокете?

– Да вот, мальчонка сознание потерял, доктора бы ему, а тут как раз «скорая» за углом, не видели?

– А как же, конечно, видел, я водитель того транспорта, а доктор в магазин за продуктами побежал. Дежурство у нас ночное и кушать бывает, хочется. Послушайте, что-то лицо мне его знакомо. Да это же наш... доктор. Что вы с ним сделали?

– Мы? Да это вы его довели до голодного обморока – взвилась державшая меня на руках женщина. Теперь я узнал ее – это она общалась со всеми сразу, а теперь пыталась спасти мою оголодавшую душу.

– Со мной все уже хорошо – вмешался я в разговор, медленно сползая с рук моей спасительницы – большое вам всем спасибо, сейчас вот только чеки на колбасу отоварю, и мы поедем на работу.

– Уже все отоварили, держи свою авоську – произнесла другая женщина – и покормите вы его там.

– Спасибо вам за все, – дружно в один голос сказали мы с водителем, и пошли к машине.

В травмпункте, узнав о моих похождениях, началась суета. Меня немедленно усадили за стол, благо поступления больных не было, и долго кормили. Одна пожилая санитарочка, что-то бормотала о черствости человеческих душ и о несчастной судьбе всех тех, кто, таким образом, постигает гранит науки. А я совсем не унывал, поглощал невероятно вкусную колбасу с душистым хлебом и твердо верил, что обязательно буду хирургом.

Астма

Это было мое первое официальное дежурство по больнице после окончания интернатуры. Вообще-то дежурил самостоятельно я давно, уже через три месяца после моего появления в этой районной больнице в качестве врача-интерна хирургического профиля мне не двусмысленно намекнули, что, дескать, хватит валять дурака и пора заниматься делом. А дело состояло в том, что надо было дежурить по больнице наравне со всеми. И я встал в строй. Хотя, если честно признаться, меня постоянно опекали. Хирурги уходили домой поздно, не смотря на закончившийся рабочий день. Они «нянчили» своих послеоперационных больных, писали нудные протоколы операций и дневники в истории болезни, а заодно присматривали за мной. Да и ночью, когда я оставался один, по каждому случаю, требующему серьезного оперативного вмешательства, вызывался ответственный хирург, а то и целая бригада. И тогда до утра не гаснул свет в операционной, а утром, дружно выпив по кружке крепко заваренного кофе, все начиналось сначала. Платили врачу-интерну копейки, а у меня, как в прочем и у основной массы студенчества старших курсов, уже была семья. Была жена и еще маленькое прелестное создание – дочь Санька. Семью надо было как-то обеспечивать. И я стал подрабатывать врачом-педиатром, благо их тогда не хватало. Год пролетел, как один миг и я был оставлен в этой же больнице, как ни странно, районным педиатром и только на полставки хирургом, хотя интернатуру закончил по хирургии. И так это было мое первое официальное дежурство. В приемном покое врач, сдающий смену, сообщил, что ночь прошла относительно спокойно, травм и операций не было, в реанимации всего один больной. Это двухлетний мальчик с бронхиальной астмой. Привезли его сегодня ночью.

У него развивается отек легких и остановить его не удастся ничем. Сегодня суббота, консультантов не вызвать и скорее всего он к утру погибнет. Главврачу докладывали, он сказал, что ты у нас теперь главный педиатр, вот и принимай решение, но особого героизма проявлять не следует, т.к. случай этот безнадежный.

– Как это, безнадежный, – взвилось в уме все мое молодое медицинское естество. А пробовали они? На вопрос, не успев его задать, получил сразу ответ:

– Пробовали все, никто не сомкнул глаз ни на минуту. Астматический статус длится уже третьи сутки, отек легких прогрессирует, развивается сердечная недостаточность.

– Но ведь есть же «область», почему не отправить ребенка туда?

– Пора летних отпусков, звонили туда, отвечают, мол, справляйтесь своими силами. Короче, не мудрствуй лукаво, сказано, что мы сделали все, что смогли. Все, я пошел.

В реанимационном отделении было почти пусто. Кровати в ожидании своих пациентов застыли, укрывшись белыми покрывалами. Тихо и равномерно гудел монитор. И тут я почувствовал на себе чей-то взгляд. Так бывает, когда ты считаешь, что вокруг тебя никого нет, и тут совершенно неожиданно тебя охватывает пронзающее ощущение чужого взгляда. Я резко оглянулся. С кровати, которую я сразу не заметил, на меня смотрели два огромных расширившихся от немого страдания глаза. Зрачки были такие широкие, что сразу невозможно было понять какого цвета радужка. Да это было и не важно, так как я услышал шумное, булькающее с присвистом дыхание. Так могут дышать только астматики. Это был он, несчастный, погибающий от удушья ребенок. Рядом на коленях, застывшая в безмолвном страдании, находилась его мать. Она понимала и в то же время не верила, что теряет свое любимое чадо. Ее губы что-то шептали, а по щекам беспрерывно катились крупными горошинами слезы. Я рванулся прочь, едва сдерживая рыдания.

Мне почему-то показалось, что на кровати лежала моя маленькая дочь. Господи, надо же что-то делать, этот ребенок не должен умереть. Не может помочь область, значит, есть кто-то по выше, республиканский центр на конец. Мысли вихрем закружились в голове. Только

как туда добраться? И тут, словно внутри меня обозначился ответ: санитарная авиация. Да, именно она. Номер нужного мне телефона находился в приемном покое.

– Сан авиация слушает, – раздался в трубке приятный женский голос.

– Девушка, милая, это Быховская районная больница, я дежурный врач, у нас тут погибает ребенок с некупирующимся приступом бронхиальной астмы. Область нам в помощи отказывает. Что нам делать?

– Подождите минуту. Так все понятно. Мы вас сможем переправить в Минск, только вам необходимо доставить ребенка в аэропорт и по дороге взять направление в областной больнице города Могилев.

Дальше последовали вопросы чисто анкетного характера. Я передал трубку дежурной сестре, а сам стал лихорадочно думать, как довезти ребенка до Могилева, выловить заведующего отделением Детской областной больницы и взять у него пресловутое направление. В душе я понимал, что вся моя затея может лопнуть, как мыльный пузырь от любой случайности и тогда ребенок погибнет в дороге, и вся ответственность ляжет на меня. Можно запросто лишиться диплома, который только появился в моем кармане и еще пахнул свежей типографской краской, но могло все получиться так, как задумано, и я увижу настоящий цвет этих детских глаз. Малышу на дорогу сделали еще кучу всяческих инъекций. Его бедной и несчастной матери, которая теперь смотрела на меня с мольбой и надеждой, я объяснил все и разрешил ехать вместе с ребенком. Нам терять было нечего, а так была хоть какая-то надежда. Я дозволился до главврача, объяснил ситуацию и попросил замену на дежурство.

Водитель санитарной машины был старый и опытный, он много лет проработал в этой больнице и на своем веку повидал всякого, поэтому лишних вопросов не задавал. Рассказывали, что во время войны он тоже крутил баранку и подвозил снаряды на передовую, а возвращаясь в тыл, эвакуировал раненых. Я сидел в салоне рядом с Кириллом, так звали мальчика. Только шумное и прерывистое дыхание говорило о том, что он еще жив. Детское личико носило на себе смертельную усталость тяжелобольного человека.

В детской областной больнице нам объяснили, что сегодня суббота и заведующий отделением, который может выписать направление вряд ли будет, поэтому выгружайте ребенка, раз уж приехали, и возвращайтесь назад. Случай действительно безнадежный. И в этот момент появился ведущий педиатр. Он внимательно выслушал обе стороны, глянул на больного и ни слова говоря, выписал документ. И только перед самым отъездом сказал:

– Удачи, я верю, что ты его спасешь. Введите ему еще эуфиллин с кордиамином, кислородная подушка есть с собой?

– Есть, все есть, спасибо вам и позвоните, пожалуйста, на Сан-авиацию, ждут ли они нас еще?

Нас еще ждали. По дороге в аэропорт Кириллу стало хуже. Мы выехали прямо на летное поле. Самолет с красными отличительными крестами на борту был готов взлететь в ту же минуту.

Летчик попытался отругать нас за длительное ожидание, но увидев посиневшее лицо умирающего ребенка, прервал себя на полу-фразе, махнул рукой и тихо сказал:

– Взлетаем, и помоги ему Бог.

Самолет медленно набирал высоту. Нас слегка вдавило в кресло и стало тяжелее дышать. За иллюминатором кусками разорванной ваты стали появляться, а потом таять облака.

Господи, как там ребенок? Как он переносит эту перегрузку? Эта мысль выбросила меня из кресла, я подскочил к носилкам и оцепенел. На меня смотрели голубые, как ясное небо глаза и в них не было муки, исчезла синева и на щеках, проступил розовый рассветный румянец. Ребенок дышал ровно и спокойно.

Мама гладила его по спутанным волосикам на голове и что-то ласково шептала на ушко. Я где-то читал, что подобные состояния лечат с помощью баротерапии, но на практике не видел никогда.

– Доктор, – в салон выглянул второй пилот, – вас вызывает Минск, они хотят с вами переговорить по поводу больного ребенка.

– Доктор на связи, ребенку стало лучше, на мой взгляд, приступ купировался.

– Не тешьте себя иллюзиями, – прозвучал в трубке незнакомый голос, – то что ребенку стало лучше говорит о том, что есть шанс на его спасение, но впереди у вас посадка, готовьтесь, что он опять отяжелеет, но в любом случае мы вас встречаем, желаю удачи.

Трубка замолчала, а в кабине пилотов повисла напряженная тишина.

– Ничего, прорвемся, – разрядил обстановку штурман, – не таких доставляли и все живы, правда, командир?

– Да, наша санитарная птичка счастливая, на борту еще никто не погибал, не дрейфь, доктор. Вот увидишь, доставим мы твоего пацана в лучшем виде.

Я не дрейфил. Я надеялся и верил в удачу. И в это время из салона раздался крик матери:

– Скорее, Кирюше опять плохо, он задыхается.

Я метнулся из кабины пилотов, малыш был опять бес сознания.

– Ребята, через сколько времени посадка? – закричал я, прорываясь сквозь шум винтов.

– Уже садимся, держитесь.

Мы держались, я одел Кириллу кислородную маску и тут увидел, как оседает, не выдержав напряжения его пострадавшая мать. Медицинская сумка была под рукой. Нашатырь быстро привел ее в чувство.

– Сынок, маленький мой, – произнесла она, едва придя в сознание.

В это время наш самолет мягко коснулся взлетной полосы. Мы долетели. Я видимо так устал от напряжения, что с трудом помнил, как нас выгружали и сажали в санитарную машину. Врачи тут же подключили капельницу. В реанимацию нас не пустили, а через два часа томительного ожидания в приемном покое сообщили, что приступ купирован окончательно, ребенок будет жить.

Через два месяца меня призвали служить на два года. Главным педиатром района я так и не успел стать, но остался хирургом, а Кирюшка выздоровел окончательно, и как мне стало известно стал врачом, кажется педиатром.

Июль 2005 года.

Урок лексики

Врач, режиссер, писатель

О морских путешествиях я в детстве мог только мечтать и грезить во сне. Начитавшись книжек Стивенсона, Майн Рида, Купера, Жюль Верна, представлял себя и отважным путешественником, и бесстрашным покорителем морей и океанов, но, чтобы это произошло наяву даже и не предполагал. А тут колесо фортуны закрутилось с такой непредсказуемой быстротой, что я, не успев опомниться, с гражданским дипломом врача-хирурга в кармане, попал в водоворот военно-морской системы. И, отбухав восемь лет в морской авиации, «влетел» на флот. А через два года был направлен в командировку в Народную Республику Мозамбик.

Командировка предстояла морем, которое до этого я видел только с берега. Семья оставалась в Палдиски, а уходили мы из Балтийска и при взгляде на возбужденную толпу провожающих становилось тревожно и грустно. Меня не провожал никто. Гидрографическое судно, на которое я попал, называлось «Андромеда». Экипаж был смешанный, т.е. управление военное, а остальные были гражданскими моряками. Первым, с кем я познакомился, был старший механик, которого все величали «Дед». И лишь иногда по отчеству – Витаминыч. Вообще-то, честно говоря, он был Вениаминыч, но звали именно так, а он и не возражал. Он обладал энциклопедическими знаниями, писал стихи, фантастические рассказы, великолепно играл в волейбол на верхней палубе, что меня особенно поражало, потому что я первое время ужасно укачивался, но об этом потом. Короче говоря, этот человек вызывал у меня одновременно расположение и уважение. Казалось, он способен только на героические и великодушные поступки. Но внешность бывает, обманчива, в чем я скоро и убедился.

Командир нашего судна был капитан-лейтенантом, среднего роста, с аристократической внешностью. Он всегда подчеркнуто ревностно относился к соблюдению всех писаных и неписаных морских законов, и традиций.

Я принял медблок, состоящий из амбулатории и изолятора с одной кроватью или, как ее называли на морском лексиконе, койкой. Она была, как аэродром, и, когда я ложился спать, то оставалось еще очень много места, и можно было бы уложить рядом всю мою семью, но они были далеко. Стараясь не обращать внимание на легкое покачивание и на какую-то внутреннюю, почти незаметную тошноту, я готовился к приему будущих больных. Кажется, все сделано: хирургическая укладка на месте, растворы весело побрякивают в коробках, посуда аккуратно разложена по полкам, справочная литература лежит на столе.

Холодильник забит дефицитными лекарствами. Там же – спирт и банка с домашними огурцами. Дверца холодильника плохо закрывается, но это не беда, если под руками есть жгут. К сожалению – это единственное, на что у меня хватило ума приготовившись к дальнему походу. А пока, находясь в неведении, я мог расслабиться.

В дверь постучали, и в амбулаторию зашел командир, а с ним заглянул «Дед».

– Заходите, заходите, – радушно пригласил я, – вот привожу все в порядок, готовлюсь к работе.

– Вы уж, доктор, лучше оставайтесь без работы. Да, на камбуз надо заглядывать почаще и гонять наших кокш по первое число, – серьезно ответил мне Михаил Юрьевич, так звали нашего командира.

– Кого, кого? – не сразу сообразил я.

– Кокша – это производное от слова кок, повар на морском диалекте – пояснил Витаминыч, – только женского рода.

– Понятно и спасибо за подсказку, но еще рано, я обычно перед приемом пищи, так сказать, пробу снять и санитарное состояние «измерить», – попытался отшутиться я.

– Нет, уважаемый Михаил Борисович, тут необходим постоянный и жесткий контроль. Море поблажек не прощает, это вам не авиация, – продолжал меня воспитывать командир.

– Извините, – взвился я – в авиации с расстройством желудка много не налетаешь, туалета под боком нет.

– Я не хотел вас обидеть, во-первых, не туалет, галюн, а во-вторых, на камбузе действительно творятся безобразия. Там опять «шпигат» несвежий... приготовили – командир посмотрел на Деда.

– Конечно – поддержал тот – людей потравим, вам работы прибавится, а нам отвечай, да еще под желтый флаг поставят, недельки на две пока понос не кончится.

– Есть! – по-военному, ответил я. – Сейчас же разберусь и об исполнении доложу.

– Уважаемый доктор, – с совершенно серьезным видом добавил Михаил Юрьевич, – не надо щелкать каблуками. Мы все здесь находимся в равном положении. И потом, я младше Вас и по возрасту, и по званию, хотя и старше по должности. Будем друзьями, но контроль с вашей стороны должен быть постоянным.

На камбузе царил свой, несравнимый ни с чем климат. В воздухе витал аромат предстоящего обеда. Клубы пара, вырывающиеся из-под крышек лагунов, несли в себе его полный букет. И несмотря на то, что оставалось еще часа два до приема пищи, живот охватила приятная истома, а во рту набежавшая слюна не давала вымолвить первое слово. Женщины, одетые в белые одежды, священно действовали, что-то добавляли, пробовали, периодически исчезая в клубах вкусного тумана, а потом вновь появлялись, как бы из не откуда. Анисимовна, так звали шеф-повара, повернулась в мою сторону:

– Вы что-то хотели, доктор? Пробу снимать еще рано.

– Понимаете, – обрел я опять дар речи, – до меня дошли сведения, что «шпигат», приготовленный вами на закуску не совсем свежий. Поэтому мне бы хотелось узнать откуда у нас появились не качественные продукты. Тем более, что я лично проверял их загрузку в наши кладовые.

Женщины, а их было трое, прекратили ли работу и ошарашено уставились на меня.

– А кто это до вас донес эту информацию? – совершенно невинно спросила одна из них.

– Это совершенно не важно, но я вам скажу. Командир и Дед только что посетили мою скромную обитель.

– Так уж и скромную, – съехидничала Анисимовна, – а про новое меню они ничего не говорили?

– Какое новое, я ничего не подписывал.

Как же, как же, а «комингсы» в тесте, а отбивные из «пилорусов» в сметанном соусе, а чай на клотике? Странно, вчера весь вечер обсуждали.

И тут до меня стало доходить, что это был обыкновенный морской розыгрыш. Я вспомнил рассказы Виктора Конецкого и все понял. Вообще-то краснею я редко, но тут краска ударила мне сразу в лицо. Комингс – это порог, а пилорус – опора на морском диалекте.

– Милый доктор, – прошелестел над моим загоревшимся ухом бархатистый голос кокши, – шпигат, это дырка в палубе, а остальное...

– Остальное я знаю, – покричал мой голос за дверью.

– О комингс не споткнитесь, – доброжелательно пропели женщины мне в след.

Я, как ошпаренный вылетел на верхнюю палубу. Там с совершенно независимым видом прогуливались командир со старшим механиком.

– Ваше указание выполнено, – взяв себя в руки, бодро доложил я, – только прошу в следующий раз об изменении в меню сообщать судовому врачу, то есть мне. Я понимаю, что цепелины это вкусно, но делать их из сухой картошки, а форшмак из вяленой трески, но если так нравится командиру, то кушайте на здоровье сами, а экипаж я травить не дам. Поэтому обед задерживается на два часа. Это все, что мне хотелось вам доложить, приятного аппетита.

– Какой форшмак? Какие цепелины, из какой трески?

Но я уже ничего не слышал. Мои ноги несли меня в каюту, где в чемодане лежал незаслуженно забытый томик Виктора Канецкого. Надо было подкреплять свои знания. Но впереди еще был Бискайский залив и была качка.

Качка

Вам когда-нибудь было плохо? Я имею в виду, по-настоящему, например, после серьезной мужской пьянки. Когда даже одно воспоминание о спиртном вызывает головокружение и тошноту. Когда вы даже не можете слышать запаха еды, а унитаз укоризненно смотрит на вас, так как вы его всю ночь пугали, стоя на коленях, крича: «Ихтиандр», «Ихтиандр». Но это состояние через день-другой проходит. А вот качка для начинающего моряка, это как беспробудное похмелье, не кончающееся никогда, пока не стихнет шторм.

Я пребывал в радужном настроении. Солнце светило ярко. Поверхность акватории, по которой летело наше гидрографическое судно «Андромеда» была зеркально гладкой. И я, с видом бывалого моряка повторял где-то услышанные слова: шлепаем, как по болоту. Я обнаглел до такой степени, что даже курил со всеми вместе на юте. Бискайский залив, никогда не отличался покладистым характером. Он имел нрав капризной женщины, которая устраивает скандалы неожиданно и по любому поводу, и без повода. Циклон не ожидал нас несколько дней, он просто прибыл к нашему появлению и, раскрыв объятия, закружил по заливу. Небо, внезапно потемнело, по воде пробежала рябь, а затем все вокруг превратилось в большую стиральную машину. Я почувствовал, как палуба стала уходить у меня из-под ног. Переборки завертелись в разные стороны, наступила резкая слабость, и холодный пот прошиб меня с ног до головы. Тошнота подступила к горлу, желудок стал медленно выворачиваться наизнанку. Гальюн был рядом «Очистившись» от обеда, а заодно и от завтрака, я упал на койку. Громадный поролоновый матрац, гордость польского изготовителя, не хотел принимать меня в свое лоно. Я вместе с простыней заскользил по нему в ритме начинающейся качки. Судорожно зацепившись за бортик, попытался устроиться в одном из уголков моей кровати. Не тут-то было. Корабль подпрыгнул на волне, и я, на секунду повиснув в воздухе, опять заскользил куда-то в неизвестное. Над головой, как большие птицы, хлопая обложками, летали мои книги. Что-то с грохотом разбилось. Кресло, развернувшись ножками вперед, пыталось забодать меня на моем полигоне. Тошнота и спазмы в животе вновь кинули меня к унитазу. Кажется, что из желудка вытекло уже все, что можно было вытечь. Боже, когда это кончится? Мимо прогрохотало ведро и половая тряпка, летучей мышью, влажно опустилась ко мне на голову. Сколько времени длился этот кошмар я не помню. Сил больше не было ни на что и я, мысленно попрощавшись с родными, провалился в небытие.

– Доктор, а доктор? – Услышал я чей-то голос. «Значит, жив» мелькнуло в сознании. Я приоткрыл глаза. Надо мной склонились две сочувственно разглядывающие меня головы

– Эк, его раскорячило, сказала одна голова.

– А в медблоке что творится, – посочувствовала другая.

– Опыта нет, по-штормовому ничего не закрепил, вот и результат.

– Да, опыт не пропьешь!

Головы опять склонились и стали пристально меня разглядывать.

– Кыш, – сказал я и, достав запутанную в прутья спинки кровати руку, махнул в их сторону.

– Глянь-ка, оживает, – головы начали обрастать деталями и у них появились туловища. Теперь я их сразу узнал. Это были командир Михаил Юрьевич и стармех Витаминыч.

– Что, докторишка, бокс? – сказал свою излюбленную фразу из кинофильма «Айболит-66» командир.

– Какой ему бокс, его сначала умыть надо, – посочувствовал «дед», – у него вид, как у алкаша, доставленного в вытрезвитель.

Я попытался сползти на палубу, но тошнота и слабость вновь припечатали меня к кровати, но уже не качало.

– Мужики, – простонал я, – пристрелите меня, чтобы не мучился.

– Ишь, чего захотел. А кто же нас лечить будет? – нахмурился командир.

– Какое лечить, когда я сам уже почти не живой, – ныл я.

– Это ты пока не живой, а мы сейчас тебе, докторишка, реанимацию проведем, и будешь ты у нас живее всех живых. У тебя «шило» – то осталось? – Михаил Юрьевич внимательно огляделся вокруг.

– Я спирт в холодильник поставил. Должен был сохраниться. А вы меня, что растирать им будете?

– Угу, – промычал «дед», – Но только изнутри.

Он ловко отстегнул жгут, который, как удав, зажимал дверцу холодильника.

– Да у него тут и огурцы в банке сохранились, – радостно возвестил Витаминыч. – Сейчас мы тебя доктор, быстро на ноги поставим.

– Лучше выкиньте меня за борт, – молил я, – Какой вовнутрь, тут водичку бы пропихнуть – все челюсти судорогой свело.

Меня никто не слушал. Добровольные реаниматологи готовились к оживлению.

– Так, – огляделся командир, – а у него и пить-то не из чего, все разбилось. Придется вычесть из зарплаты стоимость посуды в валюте, потом, а сейчас что будем делать? Не с горла же его поить. Это не интеллигентно. Хоть какой-то «хрусталь» у доктора остался?

– Я думаю, что, остался, – согласился «дед». – Банки он, чем будет ставить? А медицинские банки – это лучшие рюмки.

И они начали проводить обыск.

– Да здесь они, подо мной, в рундуке, – эхом отозвался я.

– Давно бы так. – Витаминыч ловко протер «посуду» медицинским халатом. – Ну, Борисыч держи!

Я упрямо замотал головой, говорить уже не было сил.

– Так, – с профессорским видом сказал командир, – приступим!

Мне зажали нос, дышать стало нечем, и в открытый для вдоха рот, полилась огненная влага. Пока я прислушивался к своим новым ощущениям, ожидая ответной реакции измученного организма, новоявленные доктор уже весело хрустели огурцами.

– Медицинское «шило» оно вкус другой имеет, – с видом знатока, рассуждал «дед», – наше, техническое, то же ничего, но это с кислинкой и запаха почти никакого. А доктор-то наш уже и глазки открыл и дышит вроде ровнее. Надо ему еще одну плеснуть. Вот, молоток! Сам уже в руки взял баночку. Не пролей, ишь, ручонки-то как трясутся.

У меня от такой заботливости слезы навернулись на глазах, и я одним махом выпил вторую банку. Тут же в руках оказался соленый огурец. Желудок осторожно принимал пищу. Сразу стало теплее. Тошнота, сидевшая где-то рядом, стала медленно отступать, сдавая завоеванные позиции.

– Можно я сяду, – пролепетал мой голос.

– Конечно, садись, – сказал Михаил Юрьевич сейчас еще по одной, и пойдем в каюткомпанию. Сегодня на обед «Электролит», а это первое средство от укачивания.

«Электролитом» на «Андромеде» называли консервированный борщ в банках, который был такой ядерно-кислый, что, наверное, если бы в него вставить лампочку, она обязательно бы загорелась.

После третьей, которая традиционно была за тех, кто в море, я сумел стать на ноги. Колени мои подгибались, во всем теле сохранялась какая-то дрожь, но я стоял. Подождав, пока я умоюсь, мои спасители повели меня на обед. Съев несколько ложек «электролита» и обозначив свое присутствие вернулся в мед. блок. Кое-как собрав осколки стекла, книги и стулья, я рухнул на постель. Сон окутал мое сознание мгновенно. Мне казалось, что прошло совсем немного времени, вроде бы только уснул. И вдруг голос:

– Докторишка, бокс!

Открываю глаза. Опять две головы, но уже с туловищами и совсем не страшно светит солнышко.

– Ребята, я ведь только уснул.

Ничего себе только что, – промолвил «дед», – сутки проспал. Лечение-то прерывать нельзя, иначе перейдет в хроническую форму.

Я, ни слова не говоря, потянулся к холодильнику. На третий день моего «лечения», уже сам ожидал своих «лечащих врачей». Стол был сервирован по первому классу, а рюмки опять традиционно – медицинские банки. В иллюминаторе, изумрудно переливаясь, играла Атлантика. Впереди еще было масса неизвестного.

Борода

БОРОДА росла буйно и густо. Я даже не предполагал, что она появится так быстро. А волосы на голове совсем наоборот. Они не собирались отрастать. Мне их подстригли очень коротко и даже спереди, где был чуб, выстригли зальсину. Так уж получилось, потому что, когда корабль качает, ножницы в руках парикмахера качаются тоже. А борода росла. Она прямо-таки неистовствовала на моем лице. Сначала было очень колюче, и лицо страшно чесалось. Я ее аккуратно подбривал, расчесывал, но кололась она от этого не меньше. У меня было такое впечатление, что она растет вовнутрь щек, и скоро во рту у меня будут сплошные волосы. Я с тайным ужасом проверял щеки изнутри языком, но они были гладкими, и язык, пройдя по кругу, спокойно возвращался на свое законное место. Через три недели моих мучений неожиданно борода перестала колоться и мягко закурчавилась.

За иллюминатором ярко светило тропическое солнце, и прошел этап излечения от морской болезни, отчего я пребывал в радужном настроении. Меня, видевшего море только с берега, прикомандировали в качестве судового врача на гидрографическое судно с экзотическим названием «Андромеда», следовавшее в Мозамбик.

Будучи в недалеком прошлом гражданским врачом-хирургом, я волею судьбы получил погоны, прошел этап службы в авиагарнизоне, а затем попал во флотский госпиталь и теперь оморячивался по полной программе.

Больных на борту «Андромеды» не было. Экипаж серьезно готовился к дальним странствиям.

Все прошли медицинскую комиссию и не так, как это делают военнослужащие на диспансеризации, когда на любой вопрос врача вам, достаточно отрицательно покачать головой, и вы тут же получаете краткую запись: здоров, годен. Тут же надо было сдать все анализы, к вам заглядывали во все мыслимые и немыслимые физиологические отверстия. После этого вам, как элитному псу с родословной, делали разные прививки и только потом давали заключение о годности к плаванию в районах с жарким климатом.

В нашем случае не обошлось и без курьезов. Молодой старпом нашего судна Юрий Иванович, холостяк и отчаянный повеса довел до истерики медсестру из кабинета функциональной диагностики, когда пришел на кардиограмму. Молоденькая медсестричка предложила ему раздеться по пояс, а брюки – до колен. Старпом тут же выполнил эту команду: он снял рубашку, а брюки опустил до колен. Бедную девушку потом долго отпаивали валерьянкой, а Юрий Иванович строил недоумевающую физиономию и, оправдываясь, гудел:

– Как велели до колен, так я и сделал.

У нашего стармеха Витаминаыча, которому решили не измерять объем легких, учитывая его опыт плавания и толстый медицинский паспорт, просто спросили:

– Какая у вас спирометрия (объем легких)?

«Дед» наивно изумился и, сделав обиженно подозрительное лицо, поинтересовался у врача:

– А что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, – ответил доктор, – сколько вы выдуваете?

– Если честно, – озабочился Витаминаыч, – то литра два смогу.

Здрасьте, – сказал врач, – а у вас в амбулаторной карте написано: три пятьсот.

– Во дают! И откуда это они все знают. Так это красненького, – наконец сознался он.

Комиссию прошли все, и поэтому мне практически пока делать было нечего. Я занимался отращиванием бороды. Впереди был экватор. Честно говоря, я побаивался его перехода. Так как готовилось ритуальное празднество, и меня как новичка, должны были прокатить по пол-

ной схеме, а желающих порезвиться было предостаточно. В этом я убедился в самом начале моего путешествия, но, видимо, не полностью.

В этот день, совершив свой ритуальный обход камбуза, я собирался забраться в укромный уголок и позагорать. В изолятор, где жил, без стука влетел командир. Что было необычно, так как Михаил Юрьевич, так звали командира, был ревнивым приверженцем писаных и неписаных морских традиций и уж без стука никогда и ни к кому не вламывался.

– Доктор, – заявил он прямо с порога, – у меня для вас две новости: одна плохая, а другая очень плохая. С какой начать?

В предчувствии беды у меня что-то екнуло в районе селезенки.

– Давайте сразу с самой плохой.

– Значит, так. – командир присел на стул. – Вас хотят оставить в Мозамбике. – И, глядя на мое ошарашенное лицо, добавил: – Уже пришла радиограмма.

Он отстегнул пуговичку на кармане рубашки и достал оттуда сложенный пополам листок. Радиограмма гласила: майора медицинской службы Сорина М. Б. по прибытии в порт Мапуту откомандировать в распоряжение командира гидрографической экспедиции на период отпуска врача экспедиции.

– Так ведь у меня даже загранпаспорта нет и паспорта моряка также, одно удостоверение личности офицера, – неожиданно нашел я спасительную лазейку.

– Это не беда, – произнес грустно командир. – Вам там прямо в посольстве выпишут все необходимые документы. Вы разве не помните, что вопрос о замене доктора экспедиции обговаривался перед выходом в море?

– Да, – пригорюнился я, – разговор такой был, но поскольку у меня не было загранпаспорта, то...

– Видите ли, там, наверху- Александр Юрьевич многозначительно глянул на подволок, – уже все решили и с посольством связались. Да, а бороду придется сбрить.

– Как сбрить? – оторопел я. – Причем здесь борода? Перенести столько мук и теперь на тебе. Не согласен.

– Это уж как получится, – сокрушенно вздохнул командир. – Но мы с вами люди военные, и приказы надо выполнять. А по поводу бороды не горюйте – новая, вырастет. А на паспорте вы должны быть без нее. Фотография в личном деле без бороды? Значит, и на паспорте должно быть то же самое. Тут по этому вопросу специальный документ в секретной части имеется. Вас разве с ним не познакомили? Я совершенно ничего не помнил по поводу документа, но на всякий случай согласно кивнул.

– Но ведь все можно сделать по прибытии, а сейчас-то зачем?

– Нет, все-таки вы как были, так и остались сугубо штатским человеком, – сказал командир, намекая на мое недавнее гражданское «происхождение».

– Фотографии надо сделать заранее, потому что в Мозамбике у вас на эти мелочи времени не будет. Короче, доктор, брейтесь, а фотографа я вам сейчас пришлю.

Я оступело смотрел на закрывающуюся за Михаилом Юрьевичем дверь.

Господи, ну почему мне так не везет? Только вошел в режим, сдружился с экипажем, перестал укачиваться, отпустил бороду. Кстати, о бороде. Как ее брить-то? Надо, видимо сначала состричь волосы на лице, а потом уже сбривать щетину. Я поплелся за ножницами, В дверь постучали.

– Да, – отозвался я.

В изолятор вошли электрорадионавигатор Иван Иванович со свертком в руках и стармех Витаминыч.

– Вот, фотографа привел, – радостно сообщил «дед», - пусть устраивается, простыню вешает для лучшего фона, аппарат настраивает, а я, Борисыч помогу тебе бороду сбрить. Про-

стыня висела на переборке, фотограф уже приготовился для съемки. А я все никак не мог решиться поднести ножницы к бороде.

– Какой ты нерешительный, – проявлял активность Витаминыч, – если у тебя руки дрожат, то давай я тебе ее почикаю. И он, решительно взяв ножницы, пощелкал ими для убедительности у меня под носом.

– Не дамся, – заорал я. – не созрел я еще психологически!

Дверь опять отворилась, и на пороге застыл старший перехода капитан 2 ранга Музаев Виктор Бисаевич. Он был ненамного старше меня, но, как все кавказцы, имел раннюю седину, а разговаривал с легким акцентом. Это был очень грамотный и тактичный человек, обладавший к тому же тонким чувством юмора. Меня он называл просто: дохтур.

– Что здесь творится, – раздался его спокойный голос, – дохтур, что с вами собираются сотворить эти архаровцы?

«Дед» и навигатор оторопело застыли, один с ножницами, а другой с фотоаппаратом. И тут я, как незаслуженно обиженная собака, воем выражающая свою боль и обиду хозяину, взвыл:

– Что же это вы меня так? Не успели прийти, а уже оставляете! Да еще бороду сбриваете, чтобы на паспорт фото сделать!

Виктор Бисаевич в недоумении уставился на меня:

– Ничего не понимаю, кого оставляют, какой паспорт, при чем здесь ваша борода?

Я начал сбивчиво рассказывать и про радиограмму, и про замену, и про все остальное. Пока я изливался возмущением старшему переходу, «дед» и навигатор куда-то испарились. И тут, видя совершенно недоумевающее лицо старшего перехода, я начал кое-что понимать: до меня медленно стала доходить суть очередного розыгрыша и все еще продолжающийся столь откровенный процесс моего оморачивания.

– Вот черти, – восхищенно сказал он, – это же надо, даже радиограмму сочинили. Ну, дохтур, с тебя причитается. Вечером придем твою спасенную бороду обмывать.

Он дружески похлопал меня по плечу и вышел за дверь. Я тербил начавшую чесаться опять бороду и облегченно думал, что в Мозамбик я приду настоящим мореманом.

Рыбалка

В старые добрые времена, как гласит история, все дворцовые интриги разборки разрешались с помощью шпаги, кинжала и, конечно, яда.

Самым опасным было последнее, так как от шпаги и кинжала можно было отбиться, а от яда – вряд ли, хотя было одно средство – подставить кого-нибудь вместо себя. Сначала это была любимая собака, затем – слуга, жена, друг, и уж совсем недавно эту миссию возложили на врача. Он должен был первым снимать пробу с еды хозяина. К сожалению, эта дурная привычка – заставлять врача первым снимать пробу – докатилась и до наших дней.

Я был врачом – хирургом, прикомандированным для медицинского обеспечения гидрографического судна «Андромеда». Мы шли в Мозамбик, где без нашего присутствия эта разваливающаяся африканская страна просто не смогла бы двигаться дальше по пути прогресса. Стоял июль месяц. Тропическое солнце жарило нещадно. Мы уже по несколько раз облезли и, загорев опять, выглядели, как свежие, хорошо испеченные булочки. Иногда, а это бывало нечасто, наша «Андромеда» замедляла ход, чтобы дать экипажу возможность отдохнуть и половить рыбу. Все свободные от вахт доставали свои снасти, и начиналась рыбалка.

Вообще, рыбалка – это целый ритуал со своими законами, условностями и принадлежностями. Здесь кроме оснащения обязательно должна присутствовать удача, потому что рыбацкое счастье дается один раз и на всю жизнь. Я был обделен этим счастьем. У меня обязательно путалась леска, и бывшие еще вчера благодарными пациенты начинали меня тихо ненавидеть и посылать в места не столь отдаленные. Я, как доктор, быстро разбирался в состоянии их рыбацкой невменяемости, совершенно не обижался, «сворачивался» и переходил на сторону любопытствующих наблюдателей.

Рыбалка в тропиках отличалась еще и тем, что здесь ловились доселе никому неизвестные и никогда невиданные рыбы. Тут попадались иногда такие экземпляры, что на трезвую голову на их страшные морды, и смотреть-то было жутко, а тем более – пробовать.

Заводилой во всей этой рыбацкой «орде» был наш старший перехода – Виктор Бисаевич. Со своим кавказским темпераментом он успевал ловить рыбу с правого и левого бортов одновременно. Каждую удачную подсечку воспринимал, как призовой выигрыш, быстро снимал улов с крючка и закидывал еще «не остывшую» снасть снова в воду. Внезапно его восторженный вопль перекрыл весь рыбацкий гомон на юте.

– Скорее сюда, вот это экземплярчик! Нет, это надо видеть! – Виктор Бисаевич буквально танцевал в диком восторге, а у его ног билась большая рыбина пурпурно-бордового цвета с каким-то необъяснимым фиолетовым оттенком, вся чешуя, которой переливалась и горела в лучах тропического солнца.

– Несите ее на камбуз, – скомандовал он. – Быстренько смотрим в справочник – определитель тропических рыб, и, если эта красавица съедобная, мы ее сегодня же попробуем. – Он мечтательно прикрыл глаза и прищелкнул языком. – Я думаю, что и на вкус она будет фантастической.

Рыбу отнесли на камбуз и, еще трепещущую, оставили ожидать решения ее судьбы. А все рыбаки ринулись в кают-компанию смотреть в справочнике, что за чудо попало на крючок, и можно ли его кушать. Я, немного приотстав, остановился. Поражала одна мысль: ярко окрашенные водоплавающие практически всегда ЯДОВИТЫ! Об этом предупреждало «Руководство по тропическим болезням». Пусть они там себе определяют, а я знаю, что делать. Быстро скользнув на камбуз, оглянулся по сторонам – никого. Тропическое чудо, переливаясь всеми цветами радуги, возлежало в раковине. Открыть иллюминатор было делом одной минуты.

– Плыви-ка ты, рыбка золотая, на... хорошую глубину и больше не попадайся, – сказал я рыбе и выкинул ее в синь морскую.

Моего исчезновения, так же, как и появления, в кают-компании никто не заметил. Все лихорадочно листали книгу и оживленно обменивались мнениями.

– Ее здесь нет, – с какой-то торжественной обреченностью возвестил Виктор Бисаевич и, скорбно глянув на меня, сказал: – Тогда так, пусть ее приготовят, «дохтур» снимет пробу и, если с ним ничего не случится, мы ее съедим за вечерним чаем. Толпа одобрительно загудела:

– Принимается, так и сделаем, подождем до чая.

Я тоже присоединил свой голос к общему хору, тем более что моего мнения никто и не спрашивал.

...Анисимовна, наша судовая повариха, виновато вытирая руки о передник, стояла перед начальством и испуганно докладывала, что красавица – рыба непонятным образом «испарилась» с камбуза. Ее внимательно слушали, но никто не верил. Были проверены все закрома, вычислялись вероятные похитители. Тень подозрения падала и на меня, но кто-то вовремя вспомнил, что доктор неотлучно находился тут же, в кают-компании и – главное – не отказывался от снятия пробы с теперь уже пропавшего деликатеса.

– Ничего, «дохтур», не горюй, – утешал меня и, в первую очередь, себя, Виктор Бисаевич. – Со следующего улова ты обязательно снимешь пробу.

Я делал сокрушенный вид, а в душе радовался, как ребенок, что чаша сия миновала меня в этом случае, а случаи бывают разные, в чем я убедился через несколько дней.

Мы бросили якорь на рейде порта Мапуту и ожидали «добро» на заход. Экипаж, уставший от длительного перехода, отдыхал. На юте забивали «козла», из кают доносилась музыка, несколько человек испытывали рыбацкую удачу. Виктор Бисаевич был в их числе. Вдруг леска на его удилище сильно натянулась, спиннинг резко повело вниз. Леска была толстая, специально для крупной добычи, но и ока не могла тянуться бесконечно. Азарт охватил удачливого рыболова. Он двумя руками ухватился за снасть и стал медленно выбирать ее на палубу. Рыбаки вокруг замерли в трепетном ожидании. Неожиданно раздался мощный всплеск и, перелетев через фальшборт, к ногам изумленного Виктора Бисаевича свалилось огромных размеров извивающееся тело змееподобного существа. Это был монстр метра три в длину и толщиной в руку взрослого человека, а из пасти, усеянной частыми и острыми зубами, торчал рыболовный крючок. Эта скользкая тварь ползла к счастливцу и, подняв голову, лязгала челюстями, явно намереваясь его покусать. Виктор Бисаевич, бросив удочку, рванул по трапу вверх на шлюпочную палубу. Змеюка ползла за ним, но подняться ей было не дано. И тут со зритель как бы спало оцепенение. На ползущую гадину быстро набросили петлю, стукнули обухом по голове, благо пожарный щит с топором был рядом, и подвесили злодейку на балке. Я сидел в каюте и, ни о чем, не подозревая, читал какой – то детектив. Вдруг по громкой связи раздался голос вахтенного помощника: «Доктору срочно прибыть на ют!» Для меня эта команда прозвучала, как сигнал бедствия. Схватив сумку скорой помощи, я пулей выскочил на палубу. Пробившись сквозь толпу зевак, увидел громадного монстра, подвешенного на шкертке. Внизу с победоносным видом стоял наш старший перехода и, показывая пальцем на все еще извивающееся в воздухе тело, сразу задал мне провокационный вопрос:

– Дохтур, как Вы думаете, оно съедобное? – и, не слушая моего ответа, заключил: – Я думаю, что да! Сегодня же нам его поджарят к вечернему к чаю, и когда «дохтур» снимет пробу...

Дальше можно было и не слушать. «От судьбы не уйдешь», – мелькнуло в моей голове.

...А ужасная змеюка оказалась обыкновенным угрем, только гигантским, и мы его с удовольствием съели.

Улыбка каннибала

Вы когда-нибудь видели, чтобы земля была ярко-красного цвета, а урожай на ней созревал три раза в год, и чтобы при этом его почти никто не собирал. А воздух здесь носит удушающий запах копры, этого драгоценного кокосового сырья, картофель-батат, сладкий на вкус, и сажают его не клубнями, а ботвой, а чернокожего населения больше, чем в Америке, женщины здесь здоровее мужчин, детей они носят за спиной, а корзины с продуктами на голове. Не видели? А зря. Значит, вы никогда не были в Африке, а я там был, и скажу вам, что этот континент контрастов поразил меня до конца моих дней. Здесь можно было встретить и высокоразвитую культуру со всеми вытекающими последствиями в виде электроники, ядерной физики, химии и ещё чёрт знает чего и с совершенно невероятными проявлениями первобытнообщинного строя, племенным укладом жизни и даже каннибализмом. Да, именно его, и об этом я и хочу рассказать.

Наше маленькое гидрографическое судно «Андромеда», преодолев труднейший трансатлантический переход из порта Балтийск, ошвартовалось у причала одного из городков Республики Мозамбик. Стояла невыносимая жара. Рядом с нами, на стенке, грузили уголь и его, влажная от сырого воздуха, пыль мгновенно въедалась в кожу. Кондиционеров в каютах не было, а «Рашен кондишен» – так мы называли свернутые листы картона в иллюминаторах и которые так нас выручали в море, здесь не действовали. И только тараканы, которые, как рассказывают очевидцы, живут даже в ядерном реакторе, блаженствовали. Они нагло носились по палубе, устраивали побоища с местными собратьями, которых тут называют «Кукарача», вероятно за чёрный цвет и гигантские размеры. Наши «Стасики» храбро нападали на пришельцев, мгновенно разрывали их на части и куда-то утаскивали, вероятно, создавали запасы продовольствия. Через несколько дней томительного ожидания к нам наконец-то прибыл представитель посольства, который провёл инструктаж по поводу предстоящей работы, и о правилах поведения в чужой стране. И, как бы, между прочим, сообщил, что в приграничных районах зафиксированы случаи агрессивного поведения местного населения и даже элементы каннибализма. Так, например, несколько месяцев тому назад был съеден небольшой отряд кубинцев, которые выполняли здесь свой интернациональный долг. Виновники этого беспрецедентного случая вскоре были отловлены, строго наказаны, но факт остаётся фактом и нашей гидрографической экспедиции ухо надо держать востро, тем более что и работать предстоит как раз в этих районах.

Прошло время, страсти улеглись. Мы уже привыкли и к местному климату, и к местному колориту жизни. Гидрографы всюду рисовали свои карты в различных районах Мозамбика и, как ни странно, на них ни разу не было произведено даже попыток «кулинарного» насилия, мы уже были решили, что над нами просто пошутили, как вдруг однажды...

Для общения с местной администрацией и населением к нам был прикреплен офицер связи – мозамбиканец. Он прекрасно говорил по-русски и в своё время закончил Военно-Морское училище в тогда ещё нашем городе Баку. Звали его Сандрос. Это был типичный представитель негроидной расы, высокий молодой человек лет тридцати. Несмотря на то, что к нам он относился очень дружески и с удовольствием не только переводил, но и участвовал в мелких меновых операциях с местным населением, Сандрос никогда не улыбался, возможно, скрывал свой стеснительный характер.

Однажды он преподнес нашему экипажу сюрприз: предложил проехаться в джунгли для посещения мастерских по изготовлению масок и разных фигурок, которые местными умельцами изготавливались с особым изяществом из разных и ценных пород деревьев. Покупка их на городском рынке обошлась бы нам очень дорого, и мы с завистью смотрели на счастливых обладателей этих вещиц – ребят из экспедиции. Они рассказывали, что выменять маски можно

было на одежду, одеколон и просто на зубную пасту, но всё это там, в глубинке, и тут такое предложение.

Мы, конечно, обрадовались возможности вырваться из пыльного порта и прокатиться на машине и не куда-нибудь, а через савану в настоящие джунгли, где возможны любые встречи и даже приключения. Дорога через савану была проложена «проклятыми» португальскими колонизаторами, так во всяком случае, считали местные жители, я имею в виду «проклятые», а так это было великолепное асфальтированное шоссе среди совершенно дикой природы. Трава по краям нашего пути достигала двухметровой высоты и, казалось, что сейчас оттуда выскочат страшные звери и нападут на нас, но наши ожидания не оправдались.

Дорога умчалась дальше за горизонт, а мы свернули в джунгли. Мастерская, если можно было так назвать небольшое сооружение под навесом, укрытым пальмовыми листьями, стояла под громадными тридцатиметровыми пальмами и выглядела неправдоподобно сказочной. Несмотря на жару, здесь в тени великанов-деревьев пахло прохладной свежестью с примесью чего-то пряного. Мастера в набедренных повязках, которые, как, оказалось, были просто остатками шорт или брюк, выглядели волшебными «голиафами». Тугие мускулы перекатывались под сверкающей эбонитовым цветом кожей. Но самым удивительным был деревообрабатывающий станок под навесом: между двух остро заточенных, как карандаш, брёвен был зажат круглый брусок какого-то дерева. На нём по-хитрому была наброшена верёвочная петля, один конец которой был зажат в руке негритоса. Он постоянно тянул за веревку, и брусок крутился. Мало того, между пальцев его огромной правой ступни, торчал (ещё одно чудо) металлический резец, которым мастер, восседающий на каком-то чурбаке, ловко вытачивал фигурные болванки. Мы, как замороженные, пялились на это производство. Рядом другой умелец вырезал из этих заготовок невероятной красоты маски и фигурки, лица у которых были как живые. Особый колорит придавали породы деревьев, тут было и чёрное дерево, которое африканцы называют «грустным» из-за толстой, белой коры и отсутствия почти круглый год листвы, сандал с его неповторимым запахом смеси лаванды и муската и, конечно, красное дерево. Неожиданно наше благостное состояние было нарушено прибытием новой группы аборигенов. Они привезли материал для изделий. Сандрос объяснил, что сандал и чёрное дерево растут только где-то на приграничной территории, и сейчас мы будем свидетелями торговли между пришельцами и мастерами.

Прибывшие выглядели ещё беднее «наших негров», у некоторых даже не было набедренных повязок, вместо них, дабы сохранить приличия, были прилеплены аккуратные кусочки глины, которые непонятным образом держались и даже сохраняли «форму».

Мастера что-то залопотали, показывая на нашу группу. Сандрос перевёл: – они говорят, что смогут расплатиться с продавцами материала только после того, как «белые» купят у них товар. Так что, пожалуйста, поторопитесь с выбором, чтобы ни те, ни эти не нервничали.

Я сразу не обратил внимание на эту последнюю фразу, а зря... Мы подошли к выставленным изделиям и стали торговаться. За белые брюки мне досталась красивая композиция из чёрного дерева, представляющая собой шесть негрят в разных позах с проказливыми мордочками, верхнюю часть венчала собой фигура матери-негрятки.

– Вам повезло, – сказал переводчик, вы приобрели символ семьи, который здесь очень ценится.

Мои товарищи тоже время не теряли даром и, как дети, радовались каждому новому приобретению. В это время из толпы вновь прибывших отделился один абориген, он остановился в метре от нас и стал внимательно рассматривать нашу компанию, потом, повернувшись к «коллегам» по бизнесу, стал что-то объяснять, отчаянно жестикулируя при этом. Потом взгляд его остановился на моей персоне, и он улыбнулся.

– Чоп-чоп, – сказал африканец. Я, не оставшись в долгу, тоже улыбнулся в ответ, затем прижал правую руку к сердцу и отвёл в сторону, как делали индейцы в одном приключенче-

ском фильме, как бы символизируя своё сердечное и дружеское отношение к незнакомому собеседнику. Мой собеседник в ответ на мои действия улыбнулся ещё шире. И тут, словно мороз пошёл у меня по коже. Я сначала не мог понять причину своего беспокойства, но затем... в глаза мне бросилась его улыбка: зубы у этой сияющей добродушием физиономии были остро заточены, как будто два ряда частокола торчали изо рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.